

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА, РАСКРЫТИЯ И ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

УДК 343.21
ББК 67.408-32

ОТВЕЧАЕТ ЛИ ПРИНЦИПУ ГУМАНИЗМА ИДЕЯ ТАК НАЗЫВАЕМОЙ ОБЩЕЙ ТИПОВОЙ САНКЦИИ?

Л.В. Лобанова

В статье дается оценка нескольким новеллам уголовного законодательства. Указывается на противоречие некоторых из них принципиальным положениям действующего Уголовного кодекса РФ. Определяется значение принципа гуманизма уголовного права как средства самоограничения власти.

***Ключевые слова:** принцип гуманизма в уголовном праве, гуманизация уголовного законодательства, типовая санкция уголовно-правовой нормы, нижний и верхний пределы уголовного наказания, дифференциация уголовной ответственности, гуманное отношение к лицу, совершившему преступление.*

Реализация идеи так называемой «общей типовой санкции, наиболее характерной для преступлений средней тяжести, тяжких и особо тяжких преступлений» является уже свершившимся фактом. Она внедрена в действующее уголовное законодательство Федеральным Законом РФ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации», вступившим в силу 11 марта 2011 года [7]. Именно данная идея фигурировала в качестве центральной в проекте названного норматив-

ного акта, а ее осуществление выразилось в том, что из санкций более чем за 60 преступлений исключено указание на нижний предел наказания в виде лишения свободы, тогда как верхние пределы остались неизменными.

Некоторые ученые уже дали негативную оценку такому нововведению на стадии обсуждения законопроекта. Достаточно назвать статью А.В. Наумова, опубликованную в текущем году в № 1 журнала «Уголовное право» [6, с. 38–39]. Сделанные ученым замечания представляются вполне справедливыми.

Действительно, как иначе можно охарактеризовать санкцию (например, ч. 4 ст. 111 УК РФ), нижний предел наказания в которой составляет два месяца лишения свободы, а верхний – 15 лет, кроме как коррупционную? Ведь верхний предел здесь в 90 раз превышает минимум наказания. Можно ли поверить в

дифференциацию уголовной ответственности, являющейся функцией законодателя [2, с. 62–63] и объявленной принципом уголовной политики, ее генеральной линией [там же, с. 48], если минимальный предел наказания одинаков применительно к разным по характеру общественной опасности преступлениям, а также применительно к «простому», «квалифицированному» и «особо квалифицированному» видам одного и того же преступления (в том числе и причинения тяжкого вреда здоровью)?

Ни ориентацией на санкции зарубежного уголовного законодательства, ни криминологическим благополучием в России оправдать подобный подход к конструированию уголовно-правовых санкций невозможно. Иностранные уголовные кодексы преимущественно представляют образцы абсолютно-определенных санкций или санкций с незначительным разрывом между минимумом и максимумом наказания. Вывод же об улучшении криминологической ситуации в нашей стране вызывает большое недоверие. Чтобы испытать последнее, достаточно ознакомиться с некоторыми приводимыми в печати цифрами. Так, ученые отмечают, что ежегодно потерпевшими от криминального насилия становятся сотни тысяч человек. Только за последние 12 лет, по ориентировочным оценкам, в России погиб 1 млн человек, а более 2 млн получили увечья [9, с. 409].

Тщетными также представляются надежды на то, что снижение нижних пределов санкций за тяжкие и особо тяжкие преступления будет способствовать снижению количества граждан, находящихся в местах лишения свободы. Есть опасение, что переход на краткие сроки данного вида наказания повлечет не сокращение количества отбывающих наказание, а их непрерывную «текучесть».

Обращенный к депутатам Государственной Думы призыв А.В. Наумова внести серьезные поправки в принимаемый ими законопроект, исключив из него «урезание» нижних пределов санкций хотя бы за тяжкие и особо тяжкие преступления [6, с. 39], не был услышан правотворцами. Об этом приходится только сожалеть, поскольку рассматриваемая новелла российского уголовного законодательства вряд ли соответствует генеральной линии на гуманизацию Уголовного кодекса РФ. Убе-

диться в этом можно лишь при условии, если составить для себя четкое представление о сущности и содержании одного из принципиальных положений уголовного законодательства – принципа гуманизма. Ведь именно со всесторонним осуществлением названного принципа должна быть неразрывно связана гуманизация уголовного законодательства.

Несмотря на текстуальное закрепление принципа гуманизма в УК РФ (ст. 7), его научные трактовки не отличаются единодушием их авторов. Так, в юридической печати можно встретить утверждения, что данный принцип охватывает различные аспекты отношения к преступнику, основным из которых является правило: «Наказание и иные меры уголовно-правового характера, применяемые к лицу, совершившему преступление, не могут иметь своей целью причинение физических страданий или унижение человеческого достоинства» (ч. 2 ст. 7 УК). Внедрение принципа гуманизма в уголовное право осуществляется законодателем путем установления правил назначения наказания ниже низшего предела, условного осуждения, условно-досрочного освобождения от отбывания наказания, амнистии и помилования, погашения и снятия судимости. Гуманизм выражается в так называемой экономии репрессии [8, с. 115–116].

В то же время среди ученых немало тех, кто обращает внимание на двусторонний характер определяемого принципа, на то, что он реализуется не только, а, возможно, и не столько, по отношению к лицу, совершившему преступление. При этом второй (а, точнее, первый) объект заботы определяется по-разному. Для одних это потерпевший (пострадавший) от преступления. Например, Э.Ф. Побегайло, рассуждая о том, что принцип гуманизма с позиции уголовной политики имеет двустороннюю направленность, две стороны, пишет, что «одна обращена к потерпевшим от преступлений, реальным и возможным, другая – к преступнику. В первом случае человек выступает как объект уголовно-правовой охраны, во втором – как объект уголовно-правового воздействия» [9, с. 407–408]. Другие делают упор на обеспечение безопасности членов общества от преступных посягательств [1, с. 13]. Третьи увязывают с защитой прав и интересов преступника всестороннюю охрану от пре-

ступных посягательств личности, ее прав и интересов [4, с. 17].

Хочется обратить внимание и на позицию В.В. Мальцева, полагающего, что есть все основания говорить о широком и узком значении принципа гуманизма. «В своем широком смысле, – пишет ученый, – он связан с обеспечением гуманистических устоев общества и государства, защитой прав и свобод человека и гражданина... Поэтому “основной канал” реализации принципа гуманизма... проходит по предмету уголовно-правовой охраны, а отнюдь не заключен в рамки лишь гуманного отношения к преступнику» [5, с. 160–161]. Гуманизм в узком смысле слова, считает В.В. Мальцев, обуславливается содержанием гуманизма в широком смысле слова и определяется лишь применительно к факту совершенного преступления, затрагивая интересы и преступника, и потерпевшего от данного преступления [там же, с. 161]. В итоге автором предложена новая формулировка статьи 7 УК РФ:

«Статья 7. Принцип гуманизма.

1. Уголовное законодательство и суды Российской Федерации обеспечивают охрану гуманистических основ гражданского общества и социального государства в России, приоритетную защиту прав и свобод человека и гражданина.

2. Меры уголовно-правового характера, не имеющие своей целью причинение физических страданий или унижение человеческого достоинства, применяются в зависимости от характера и степени общественной опасности совершенного лицом преступления, тяжести ущерба, причиненного пострадавшему от преступления гражданину» [там же, с. 170].

Находя много рационального в приведенной позиции, выскажем некоторые замечания как уточняющего, так и корректирующего характера.

Во-первых, верно, что гуманизм уголовного законодательства нельзя сводить только к милосердному отношению к преступнику, что подобное отношение всего лишь частное проявление гуманизма в широком смысле слова, присущее обществу с такими устоями, при которых обеспечивается достойная жизнь и свободное развитие человека. Правильно и то, что принцип гуманизма реализуется в рамках различных правовых отноше-

ний, начиная от общепредупредительных и завершая отношениями ответственности, а его реализация зависит не только от законодателя, но и от правоприменителя. Однако неточно последнего видеть лишь в судебном органе, поскольку ряд положений уголовного законодательства, скажем, об освобождении от уголовной ответственности, реализуются в досудебном производстве.

Во-вторых, при применении мер уголовно-правового характера все же должны учитываться не только параметры уровня общественной опасности самого преступления, но и личность лица, его совершившего, ибо не все значимые для уголовного права свойства личности находят отражение в преступлении, а обществу не все равно, кого оно получит в результате применения этих мер.

В-третьих, редакционные погрешности могут сформировать у адресата законоположений заблуждение в том, что помимо мер уголовно-правового характера, не имеющих цели причинения физических страданий и унижения человеческого достоинства, уголовному законодательству присущи и другие меры, преследующие такие цели.

В-четвертых, особо важно акцентировать внимание на том, что, обеспечивая охрану прав и интересов человека, его безопасность, уголовное законодательство демократического государства обеспечивает защиту человека не только от преступных и иных общественно опасных посягательств. Ведь в ст. 7 УК РФ источник угрозы не называется, что, думается, не случайно. Не в меньшей степени обеспечение безопасности личности заключается в охране ее от самосуда со стороны членов общества и от произвола государственных органов. С точки зрения гуманистических идеалов уголовное законодательство должно выступать средством самоограничения власти. Говоря словами Ф. Листа, «оно... есть щит гражданина, которым он прикрывает себя от нападения государства» [3, с. 128]. Данного ученого можно, на наш взгляд, упрекнуть лишь в том, что под гражданином он имел в виду только преступника, ту личность, которая восстала против правопорядка и общества, в то время как от произвола власти следует защищать и потерпевшего, и людей как таковых.

Подобное понимание принципа гуманизма позволяет сформулировать два очень важных вывода.

Во-первых, гуманизация уголовного законодательства является насущной необходимостью для государства, провозгласившего себя правовым и стремящегося таковым стать.

Во-вторых, идея так называемой общей типовой санкции вряд ли находится в русле этого процесса, поскольку явно противоречит принципу гуманизма. Ее внедрение в действующий Уголовный кодекс препятствует последнему быть средством самоограничения власти, в частности щитом от судейского произвола. Пока последний не приобрел катастрофических масштабов, ошибку необходимо исправить.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Игнатов, А. Н. Уголовное право: понятие, предмет и система / А. Н. Игнатов // Уголовное право России. В 2 т. Т. 1. Общая часть / под ред. А. Н. Игнатова, Ю. А. Красикова. – М., 1999.

2. Кругликов, Л. Л. Дифференциация ответственности в уголовном праве / Л. Л. Кругликов,

А. В. Васильевский. – СПб. : Юрид. центр «Пресс», 2003. – 300 с.

3. Лист, Ф. Задачи уголовной политики / Ф. Лист. – СПб., 1895.

4. Лопашенко, Н. А. Принципы уголовного законодательства / Н. А. Лопашенко // Уголовное право Российской Федерации. Общая часть / под ред. Р. Р. Галиакбарова. – Саратов, 1997.

5. Мальцев, В. В. Принципы уголовного права / В. В. Мальцев. – Волгоград : ВА МВД России, 2001. – 266 с.

6. Наумов, А. О серьезной уязвимости одного их последних законопроектов о внесении поправок в УК РФ / А. Наумов // Уголовное право. – 2011. – № 1.

7. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации : ФЗ РФ от 7 марта 2011 г. № 26-ФЗ // Российская газета. – 2011. – 11 марта.

8. Панько, К. К. Методология и теория законодательной техники уголовного права России : монография / К. К. Панько. – Воронеж : Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2004. – 272 с.

9. Побегайло, Э. Ф. Проблемы гуманизации российского уголовного законодательства в современных условиях / Э. Ф. Побегайло // Уголовное право: истоки, реалии, переход к устойчивому развитию : материалы VI Российского Конгресса уголовного права (26–27 мая 2011 года). – М. : Проспект, 2011. – С. 407–409.

DOES THE IDEA OF “THE GENERAL TYPICAL SANCTION” CORRESPOND TO THE PRINCIPLE OF HUMANISM?

L. V. Lobanova

The author of this article estimates some novels of the criminal legislation. It is pointed that there is the contradiction of some of them to the basic positions of the Criminal code of the Russian Federation. The author defines the value of a principle of humanism of criminal law as one of the means for self-restriction of the authorities.

Key words: *the principle of humanism in criminal law, the humanization of the criminal legislation, the typical sanction of the criminal rule, the bottom and the top limits of criminal punishment, the differentiation of criminal liability, the humane relation to the person who has committed a crime.*